

ЛЕТАЩИЙ НАВСТРЕЧУ СОЛНЦУ

О ЧЕРК ВТОРОЙ

А. МИРОВ

КУЗНЕЦ СВОЕГО СЧАСТЬЯ

В РЯД ли мог простой арат сказать, сколько храмов в Урге. Грамоту он не разумел. Знал только: не хватит пальцев погибать. Еще больше было бурханов — божеств. И сегодня в Улан-Баторе в монастыре-музее можно лицезреть внушительную статую Будды. Так и не дождался монгольский народ, когда же бог снизойдет до его страданий и сотворит доброе чудо. Сам стал кузнецом своего счастья...

Когда араты только взяли власть в руки, временное правительство так характеризовало сложившееся положение:

«У нас нет школ и научных учреждений, как у других культурных народов, мы не переводим на свой язык научных сочинений, необходимых для пользы государства, находимся в темноте и невежестве; и столетия проходят для нас бесплодно...»

Минуло десять лет, но лет революционных, и в начале 30-х годов в быт республики властно вошло новое слово — индустриализация. Первенцем ее явился промышленный комбинат в Улан-Баторе, сооруженный в 1934 году с помощью Советского Союза. Строительство предприятия стало всенародным делом. Из самых дальних уголков страны съезжались сюда скотоводы, вчерашние кочевники надевали рабочие спецовки. Крупногабаритные грузы доставлялись на стройку «упряжками» в несколько автомашин: ведь в то время к столице еще не было проведено ни железной, ни шоссейной дороги. Но начало было положено. Монголия превращалась в аграрно-индустриальную страну.

Вместе с ростом промышленного производства формировался и рабочий класс, не знавший капиталистической эксплуатации. Если в 1928 году в МНР насчитывалось 300 рабочих, то в 1940 году — уже свыше 13 тысяч.

Рождение в краю кочевников рабочего класса, его высокая сознательность, чувство ответственности за строительство новой жизни служили доказательством жизнеспособности великой ленинской идеи о некапиталистическом пути развития отсталых феодальных стран. Формирование рабочего класса имело также огромное политическое значение. Началось перерастание революционной диктатуры трудового аратства в диктатуру рабочего класса. Монгольская народно-революционная партия становилась партией рабочих и аратов, а ее марксистско-ленинская политика приобретала все более прочную социальную базу.

Только в период с 1940 по 1972 год объем производства промышленной продукции в МНР возрос в 16,9 раза, электроэнергии — с 11,5 до 594 миллионов киловатт-часов. За годы народной власти возникли различные отрасли промышленности: топливно-энергетическая, горнорудная, строительная, деревообрабатывающая, легкая, пищевая. Промышленность республики создавалась на основе принципов социалистического размещения производства с учетом особенностей экономического развития страны. На начальном этапе, в период индустриального становления, она концентрировалась главным образом в Улан-Баторе. Затем, в соответствии с заданиями пятилетних планов, промышленные предприятия стали сооружаться на местах, появились реальные условия для равномерного размещения промышленности на территории всей страны...

Сегодня Улан-баторский промкомбинат производит основную товарную массу легкой промышленности республики. Дважды орденоносный коллектив — образец для остальных предприятий страны. Значительно расширенный и модернизированный в послевоенные годы, комбинат объединяет шерстемойную, камвольно-суконную, валяльно-войлочную, обувную и кожгалантерейную

фабрики, завод по обработке крупных кож, шевровый и шевретовый заводы.

В популярной народной песне «Богатая Монголия» есть такие слова: «Стада овец и коз богатой Монголии покрыли своей мягкой шелковой шерстью нашу юрту» — скотоводы издавна изготовляли войлок из белоснежной шерсти овец. Теперь это сырье нашло и другое применение.

— Наше предприятие, — рассказывал главный механик камвольно-суконной фабрики Ендонсанбуу, — производит из шерсти высококачественную продукцию более 30 наименований. Здесь драп для пальто, пушистые одеяла, различные ткани... Фабричные изделия хорошо знают в Советском Союзе и других странах социалистического содружества.

Начиная с 1957 года МНР активно участвует в международных ярмарках и выставках. Со временем разительно менялась экспозиция монгольских павильонов, отражая те качественные перемены, которые происходили в народном хозяйстве республики. Теперь рядом с традиционными образцами — пушниной, изделиями кустарного промысла — можно увидеть одежду и обувь, ткани и мясные консервы. Только в нынешнем и прошлом году на различных ярмарках были представлены сотни экспонатов из МНР. Многие из них удостоены высоких наград. А монгольские дубленки и ковры были отмечены золотой медалью Лейпцигской ярмарки.

— Фабрика, — продолжал рассказывать Ендонсанбуу, — еще более расширила свои производственные мощности после реконструкции, произведенной в 1970—1971 годах при помощи СССР. За пятилетку коллектив предприятия обязался выпустить 5035,8 тонны продукции. Прошлогодний план выполнен досрочно. План нынешнего года мы обязались завершить к 26 декабря. Уверен, что справимся.

Самоотверженный труд монгольского народа — залог претворения в жизнь заданий пятилетки.

Успехи индустриализации МНР приводят к усилению роли промышленности в экономическом развитии страны. В минувшем году в этой отрасли народного хозяйства было произведено 29 процентов национального дохода. Доля промышленной продукции отечественного производства составляет половину товаров в розничной торговле.

Высоки темпы соревнования и в нынешнем, определяющем году пятилетки. Полугодовой выпуск валовой продукции на 9,8 процента выше по сравнению с тем же периодом прошлого года. При этом 93 процента ее прироста достигнуто за счет увеличения производительности труда.

— Хотите, я вас познакомлю с нашей Гунжилам? — спросил внезапно Ендонсанбуу, остановившись перед одним из станков.

Еще бы! Имя Гунжилам — известной на всю страну ткачихи, депутата Великого народного хурала — говорило само за себя. Плакаты, рассказывающие о ее передовом опыте, можно увидеть буквально на каждом предприятии. Почин Гунжилам — личный производственный план на пятилетку — подвешен сейчас по всей республике.

Нас представили невысокой худощавой женщине. По-видимому, не привыкшая еще к бремени славы, она поминутно оглядывалась на свой станок: не то порываясь поскорее возвратиться к работе, не то ища в нем моральной поддержки.

— Пятилетку, — сказала Гунжилам, — я обязалась выполнить досрочно. В моем обязательстве десять пунктов. Среди них экономия сырья, недопущение брака, овладение смежной специальностью... В нашей работе, — горячо проговорила она, забывая о стеснении, — чувство локтя, взаимозаменяемость — первое дело.

Сейчас на фабрике широко развернуто социалистическое соревнование. У Гунжилам более 300 последователей. Соревнуются бригады, цехи. Хороших работников предприятия не занимать. И в этом несомненная заслуга ветеранов производства — таких, как С. Риваада, Б. Ядмаа. Это они проложили дорогу молодым: Б. Гунжилам, Ш. Сэцэрэнжаргал, Б. Батуэлгэр и их товарищам. В руках молодых — будущее предприятия, ибо основную массу рабочих составляют люди в возрасте до 25 лет.

— Как вы добились таких успехов, Гунжилам?

— Настоящей ткачихой мне помогли стать советские подруги Надя, Валя, Люба. К сожалению, сейчас не помню фамилий этих девушек, но храню о них самые теплые воспо-

минания. Вообще, наше предприятие уже много лет поддерживает тесные дружеские контакты с Монинским камвольным комбинатом. Мы обмениваемся опытом. Наши ткачихи не раз приезжали в Советский Союз. В свою очередь советские друзья всегда были желанными гостями в Улан-Баторе. Мне многое дал опыт ивановской ткачихи Лидии Омельченко.

Найрамдал! Дружба! Как много стоит за этими словами. Теперь уже нет в живых народного певца и музыканта Лубсан-хурчи. Он под аккомпанемент моринхура пел песни о думах народа, возвеличивая его подвиги. Последний богдо-гэгэн хотел сделать Лубсана придворным певцом, но тот отказался. Его музой всегда была правда, справедливость. Ей он служил до конца. Рассказывают об этом мудром старце: когда он почувствовал приближение своего последнего часа, то взял в руки любимый инструмент и воспел дружбу советского и монгольского народов.

В нынешней, пятой для МНР пятилетке общее число промышленных, сельскохозяйственных и культурно-бытовых объектов, которые будут сооружены силами советских строительных организаций и при содействии СССР, почти равняется количеству объектов, построенных в республике с его помощью за предыдущие 20 лет. Около 80 советских проектных организаций выполняют заказы монгольских друзей. Десятки министерств и ведомств нашей страны командировали в МНР квалифицированных специалистов. В республике работают три советских строительных треста и несколько специализированных строительно-монтажных организаций.

— Гунжилам, расскажите о себе.

Еще больше застенчившись, она отвечает:

— У меня годовалый сын. Сейчас он в фабричных яслях. Надо сказать, что у нашего предприятия есть пионерский лагерь, дом отдыха, клуб, столовая, душ. Стоимость обеда на 30 процентов оплачивается фабкомом. Он обходится рабочему в 2 тугрика при средней заработной плате 450 тугриков.

— Гунжилам, — напоминаем мы, — вы хотели рассказать о себе.

Она виновато улыбается: что делаешь, нет в ее биографии ничего примечательного. Внезапно в глазах нашей собеседницы вспыхивают радостные огоньки.

— Знаете, — говорит Гунжилам, — прошлой осенью мне посчастливилось участвовать в работе Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве. Это была моя первая встреча со столицей братского Советского Союза. На меня, так же как и на других членов нашей делегации, неизгладимое впечатление произве-

ла яркая речь Леонида Ильича Брежнева.

Мы не удивились, узнав, что промкомбинат посетило уже немало иностранных делегаций. Ведь в республику ныне приезжают посланцы со всех концов земли. Приезжают не только в поисках экзотики, но и для того, чтобы своими глазами увидеть масштабы перемен, чтобы изучить опыт некапиталистического развития. Притягательность примера МНР для представителей молодых афро-азиатских стран очевидна. Он показывает всем народам, сбросившим ярмо колониального ига, что дружественные связи с Советским Союзом, всем социалистическим сообществом — надежное средство укрепления национальной независимости, что сотрудничество с ними убыстряет путь подъема экономики и культуры. Так легче ковать народное счастье.

ПРЕОБРАЖЕННАЯ СТЕПЬ

Е СРАЗУ машина вырвалась из объятий Улан-Батора. Словно нехотая редели массивы жилых домов. Затем замелькали отдельные строения. И наконец — степь. Где-то там, за холмами, на северо-западе от столицы, раскинулось государственное хозяйство «Баян-Цогт». Знакомство с ним — цель нашей поездки.

Казалось бы, не так уж долгов предостоящий путь, зато велик гипноз бескрайних степных просторов. Все замерло в первозданном безмолвии. Чудится, что всегда были и будут только вот эти порывевшие кусты верблюжьей колючки. Как-то незаметно подкрадывается чувство одиночества, отрешенности от внешнего мира. И попавший по дороге одинокий верблюд лишь усиливает это настроение. Зато сам он по-хозяйски высокомерно смотрит на непростых гостей.

Лента дороги то взбирается на гребни увалов, то стелется по широким долинам. Наконец холмы расступились. Вот он — Баян-Цогт! У въезда в центральную усадьбу замечаем вознесенный на несколько метров над землей трактор «Беларусь».

— Это тот самый, что 13 лет назад проложил здесь первую борозду, — поясняет заместитель директора госхоза Д. Суурь. — Его водитель — советский тракторист — удостоен ордена Сухэ-Батора. Тогда у нас было только два железных коня. Сейчас их — больше сотни.

Множество мыслей вызывает этот своеобразный памятник. В свое время Д. Нацагдорж в рассказе «Сын старого мира» так описывал положение кочевника-скотовода: «День за днем однообразно тянулась темная степная жизнь без света, как

под перевернутым котлом, и видел он [монгольский арат] вокруг себя не больше, чем сурок, который с осени залегает в спячку, а выползает только весной».

Парящий над землей трактор олицетворяет разительные перемены, происшедшие на древней монгольской земле. Ведь она испокон веку не знала плуга, никогда не родила хлеба. До революции земледелие запрещалось под страхом пыток и штрафов. Да никто бы и не решился копать колодцы, косить траву или вспахивать почву. Ведь, как уверяли ламы, это могло разбудить злых духов. Но страх был побежден людьми, которых воодушевляла партия.

По сути дела, земледелие в республике начало развиваться немногим более 15 лет назад. В 50-х годах встала задача преобразования сельского хозяйства. Необходимо было перевести его на кооперативную основу, изменить экстенсивный характер на интенсивный. К концу 1959 года кооперирование единоличных крестьянских хозяйств в Монголии было успешно завершено. 200 тысяч мелких аратских хозяйств — практически все — объединились в 389 сельскохозяйственных кооперативов (СХО). Сделать это было совсем не просто: ведь многие поколения аратов пасли свои стада в одиночку; в хозяйственном укладе и быту существовало немало феодальных пережитков. Теперь же, с установлением социалистических производственных отношений в сельском хозяйстве, коренным образом изменились размещение и занятость населения, труд и быт скотоводов. Изменилась сама жизнь, все явственнее приобретающая черты оседлости.

С завершением кооперирования в сельском хозяйстве республика по примеру Советского Союза и с его помощью повела широкое наступление на целину. Сейчас очевидно, сколь прозрачным был курс, намеченный партией и правительством.

Если раньше МНР ежегодно ввозила 70 тысяч тонн муки, то теперь она не только полностью обеспечивает себя хлебом, но и экспортирует зерно.

— А что сегодня представляет собой хозяйство госхоза? — спросили мы у Д. Сууры.

— «Баян-Цогт», — ответил он, — занимает 306 тысяч гектаров земли. Из них 6 тысяч составляют леса, 50 тысяч — пашни, 10 тысяч — покосы. Остальное — пастбища. Труженики госхоза выращивают пшеницу, ячмень. В минувшем году, сдав государству 13 тысяч тонн зерна вместо запланированных 7 тысяч, «Баян-Цогт» занял почетное третье место в республиканском соревновании. А в целом по стране госхозы дали свыше трех четвертей продукции производства.

Но главное богатство «Баян-Цогта» — скот. 34 тысячи овец, коров, лошадей, коз, яков, верблюдов. Из них 14 тысяч находятся в личном пользовании. За время народной власти поголовье скота в стране удвоилось. По его количеству на душу населения — около 23 голов — Монголия занимает одно из первых мест в мире. Несмотря на успехи индустриализации, животноводство остается ведущей отраслью народного хозяйства, важной статьей экспорта, залогом подъема экономики и повышения благосостояния народа. Оно дает четыре пятых объема сельскохозяйственной продукции, около половины всей валовой продукции страны.

В республике создана материально-техническая база, которая позволит в будущем развивать животноводство еще более высокими темпами. Весьма перспективна, например, организация смешанных (с участием братских социалистических стран) крупных сельскохозяйственных комплексов по производству мяса, молока, масла.

— Конечно, — заметил Д. Суурь, — наши успехи были бы немыслимы без использования современной сельскохозяйственной техники, оборудования. В госхозе есть две молочнотоварные фермы. Строятся еще две. Машинный парк, кроме тракторов, включает в себя 80 комбайнов, 60 сеялок, 40 автомашин. Построен трактороремонтный цех. Все трудоемкие работы: пахоту, сев, боронование, уборку — выполняют машины.

Состояние дел в госхозе отражает общую картину по всей республике. За годы народной власти механизация и электрификация в корне изменили характер работы тружеников полей и ферм, сделали труд более производительным. На вооружении госхозов и СХО — более семи тысяч тракторов, две тысячи комбайнов, свыше четырех тысяч автомобилей, большое количество различных почвообрабатывающих, посевных, уборочных и других машин.

Мы вышли из здания дирекции. Во все стороны от него расходились ровные ряды каменных домов. Таких новых благоустроенных жилых поселков теперь много в республике.

— У нас, — рассказывал Д. Суурь, — есть гостиница, школа-восемилетка, больница, детский сад, ясли. Разумеется, работают отделение связи, столовая, магазин, клуб. Ведется жилищное строительство. 116 квартир обрели своих хозяев.

Скотоводы в большом и малом ощущают постоянную заботу государства. Их дети находятся на полном государственном обеспечении в школах-интернатах. Престарелым выплачиваются пенсии. Около трех ты-

сяч человек в дружной трудовой семье госхоза «Баян-Цогт». Подавляющее большинство их живет в суури — стойбище. Они кочуют вместе с отарами, стадами и табунами. Ведь пастбище остается пока в Монголии основным источником кормов и летом, и зимой. Но скотоводы в случае необходимости всегда могут приехать на центральную усадьбу.

Проектные и научно-исследовательские организации республики уделяют большое внимание строительству на селе. Они разрабатывают генеральные планы застройки центров СХО, госхозов, бригадных станций, электрификации сел. Во главу угла ставится улучшение жилищно-бытовых условий сельских тружеников. При этом архитекторы стремятся принимать перспективные решения, чтобы по прошествии 10—15 лет избежать морального старения построенных поселков.

За последние годы заметно выросли и доходы аратов. В «Баян-Цогте», например, доярки получают 200 тугриков в месяц, механизаторы — 300, а чабаны и того больше — 700 тугриков. Здесь заботятся о трудовой смене. Молодым семьям помогают обзавестись хозяйством, встать на ноги.

Госхоз гордится своими передовиками. Социалистическое соревнование называет все новые имена. Звено хлеборобов во главе с Ц. Сурэнхорлоо, выполнив план на 160 процентов, заняло первое место в республиканском соревновании. Награда ударникам — автомобиль «Москвич-412». Окружены почетом имена бригадира Лэгдэва, доярки Оюун. Семь комбайнеров госхоза — рекордсмены страны по уборке урожая. Как и во всей республике, в «Баян-Цогте» во главе соревнования стоят коммунисты.

Радужные хозяева не хотели отпустить нас, не показав нового животноводческого комплекса, сданного недавно в эксплуатацию советским строительным трестом № 3. В него входят механизированные коровники, телятники, гараж для тракторов, котельная, хранилище для силоса и других кормов, водонапорная башня, многоэтажный жилой дом. В нынешней пятилетке в республике планируется построить около 20 аналогичных молочнотоварных ферм.

— Наш коллектив, — рассказывал директор С. Дамдин, — стремится с самого начала организовать работу комплекса на научной основе. Мы хотим сделать его своеобразным эталоном для подобного рода предприятий.

Слова работников фермы, маяком для которых является Герой труда МНР доярка Оюун, не расходятся с делом. Вместе с подругами она стремится добиться высоких производственных показателей.

Мы зашли в коровник. Ухоженные буренки привычно утоляли жажду из автопоилок. Несколько женщин налаживали доильные аппараты: приближалось время дойки.

— Оюун! — окликнул директор одну из них.

К нам подошла женщина с живыми карими глазами.

— Основа хороших удоев, — отметила доярка, — корма. И они у нас есть.

Корма... Как много значило это слово для монгольских скотоводов на протяжении целых столетий. «Без травы нет скота, без скота нет пищи». Так гласит народная мудрость. До сих пор в монгольской «глубинке» можно встретить стариков, которые при встрече не говорят друг другу «здравствуйте», а осведомляются: «Хорошо ли перезимовал твой скот?».

Для того чтобы сохранить, а тем более увеличить его поголовье, требовалось большое умение. «Где нехватка скота, там ищи нехватку мысли» — столь категоричный приговор выносит еще одна народная пословица. Но чаще всего скотоводу приходилось полагаться на милость всевышнего. А это было слабой гарантией.

Летом — жди засухи. А то вдруг в самый разгар его выпадет снег. Значит, пришел черный дзуд — бескормица. Тогда начинался массовый падеж скота. Дзуд в Монголии вездесущ и многолик. Если зима совершенно беснежная, то это — безводный дзуд. Если же глубокий снег закрывает пастбища, оставляя скот без корма, то это белый дзуд. Ничуть не лучше для скотоводов гололедица. К тому же в Монголии самая высокая в мире амплитуда температурных колебаний, нередки песчаные и снежные бури.

Только переезжая с места на место, мог арат вырастить и сохранить скот. На юге, например, в районах Гоби количество перекочевков доходило подчас до 40—50 в год. При таком способе ведения хозяйства пастбища стравливались бессистемно, трава уничтожалась в первую очередь на близких и богатых угодьях.

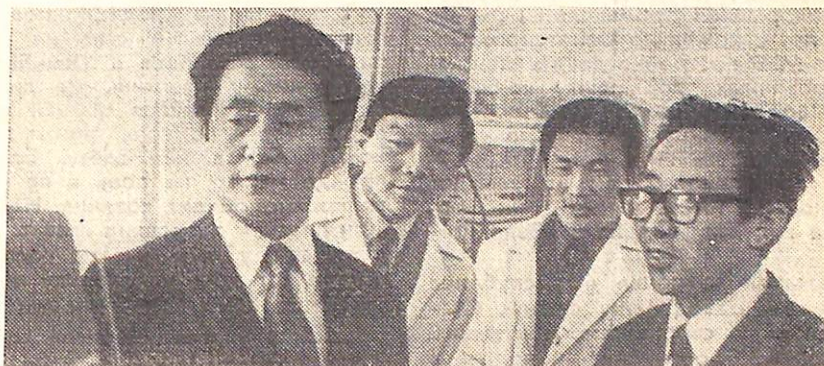
В республике хорошо помнят ноябрьские и декабрьские метели 1967 года. Тогда скот остался без корма. Через год все повторилось. Нелегко было стране, но она выстояла, хотя и не без серьезных потерь. Усилия МНРП и правительства, направленные на изживание примитивных форм хозяйствования в животноводстве, не пропали даром. К тому же на помощь поспешили друзья, в первую очередь Советский Союз.

Из урока, преподанного стихией, были сделаны соответствующие выводы. Состоявшийся в феврале 1971 года IX пленум ЦК МНРП наметил

Главный корпус Монгольского государственного университета.

Фото Н. Акимова (ТАСС)

Проректор Монгольского государственного университета Д. Батсурь с научными сотрудниками лаборатории ядерных исследований наблюдает за ходом эксперимента.

Фото Н. Акимова (ТАСС)

Немало способных учеников у заслуженной артистки МНР Ц. Дашдулам в классе народного инструмента «шанз».

Фото Н. Акимова (ТАСС)

комплексную программу по стабильному развитию животноводства. Государство предприняло энергичные меры для укрепления материально-технической базы животноводства, для круглогодичного обеспечения скота кормами.

Никогда прежде республика не заготавливала и не производила столько кормов, как в настоящее время. Более чем на 30 процентов выросла за последние пять лет заготовка кормов, в 5,5 раза — сдача сена в государственные кормовые страховые фонды.

Непрерывным потоком идут по дорогам страны колонны тяжелых грузовиков с сеном. Их путь традиционно лежит из северных районов республики, богатых сенокосами, — на юг, в Гоби, и на запад. Минувшей осенью на заготовке кормов работали 105 бригад и звеньев. До конца пятилетки из СССР поступит оборудование более чем для 50 бригад.

В республике комплексно механизирована заготовка сена, создана комбикормовая промышленность. За пять лет с помощью Советского Союза в МНР построено девять специализированных кормовых хозяйств, 20 заводов и цехов комбикормов, которые к концу нынешнего года должны произвести более 170 тысяч тонн продукции. Один из заводов мощностью шесть тысяч тонн кормов в год мы увидели в «Баян-Цогте».

Большое значение в республике придается обводнению степей. Специальные строительно-монтажные управления сооружают колодцы и оросительные системы. Создано также восемь межрайонных изыскательских бюро и проектно-изыскательский институт. Результат их работы налицо: из имеющихся в стране 133 миллионов гектаров пастбищ обводнено более 60 миллионов.

Наступление в области животноводства отличается многоплановостью. Одно из его направлений — улучшение породы монгольского скота, очень выносливого, но малопродуктивного. Около 20 лет потребовалось ученым-животноводам во главе с лауреатом Государственной премии Т. Аюризаной, чтобы вывести новую породу овец — орхонскую. В ней сочетаются лучшие качества породистой овцы и неприхотливость степной. «Орхонская» дает мяса вдвое, а шерсти в три с половиной раза больше, чем обычная монгольская грубошерстная овца.

Хорошо акклиматизировались в местных условиях таджикские каракулевые овцы, придонские козы, дающие пуха вдвое больше, чем монгольские. Благодаря стараниям селекционеров в стране «прописались» такие высокопродуктивные породы коров, как черно-пестрые, сычевские из Смоленщины и казахские белоголовые.

Широкие лечебно-профилактические мероприятия проводит ветеринарная служба республики, 50-летие которой отмечалось в нынешнем году. Она внедряет последние достижения науки в практику животноводства. В последние годы все более плодотворно развивается сотрудничество ветеринарной службы МНР с родственными учреждениями стран — членов СЭВ.

...Начинало смеркаться, когда мы собрались уезжать с фермы. Из окна директорского кабинета открывалась неповторимая картина: холмы казались фиолетовыми, степь — золотой. Заходящее солнце отражалось в стеклах шкафа, за которыми лежал внушительных размеров ключ. По обе его стороны стояли два флажка — советский и монгольский.

— Когда советские товарищи закончили строительство фермы, — пояснил директор, — они преподнесли ключ нам на память. Это символ дружбы, братской помощи великого Советского Союза.

В тот вечер традиционное монгольское гостеприимство не позволило нам вернуться в Улан-Батор к намеченному времени. До сих пор у аратов сохранился обычай не заходить в юрту на ночь, чтобы путник всегда мог в нее зайти. Если он пройдет мимо, не поев и не попив, то кровно обидит хозяина. Недаром монгольская пословица гласит: «Счастлив тот, у кого бывают гости, радостен тот дом, у коновязи которого всегда стоят кони приезжих».

...Юрта учетчика молока Цултэма и его жены-дойрки Дэмбэрэл. Поблизости кошары, загоны, огороженные плетнем, обмазанные глиной деревянные помещения для молодняка и маток. Мы занимаем самое почетное место в юрте — хоймор. На деревянном настиле стоит низкий стол, окруженный подушками и табуретками. Вся остальная мебель — никелированная кровать, расписные сундуки и шкафчики, комод — расположены по кругу. На стене — ковер. На тумбочке — транзистор, зеркало.

Сколько веков работала мысль кочевника над устройством юрты! Она незаменима при перекочевке на любые расстояния, при любой погоде. Не больше часа требуется для того, чтобы ее собрать и разобрать. Юрта легка — для ее транспортировки достаточно двух-трех верблюдов. А уж о порядке в ней и говорить не приходится. Он — образцовый. Столетия отвели каждой вещи раз и навсегда определенное место.

Раньше юрты делались из черного войлока. Сейчас они покрыты белым — так заметнее в степи, радостнее для глаза, да и меньше нагревается жилище чабанов на летнем палаше солнца.

Мы сидим на низких табуретках. Радужные хозяева предлагают ку-

мь:с, чай. Монгольский чай — скорее еда, чем напиток. К нему добавляются молоко, масло, соль, бараний жир. Его полагается пить из серебряных пиал: серебро «отгоняет болезни». Как правило, с чая начинается и завтрак, и обед, и ужин.

На столике арул — сушеный творог, сыр, а на самом верху молочные пенки: они считаются самым изысканным лакомством. Старинный обычай запрещает касаться «белой еды», как называют в Монголии молочные блюда, ножом.

Неторопливо течет беседа. Хозяева рассказывают о своей жизни, интересуются событиями в нашей стране. По их репликам чувствуется, что транзистор здесь не простаивает.

— Скоро поедем в Улан-Батор за телевизором, — сообщает Цултэм. — Заодно навестим дочь. Она учится там в медицинском училище.

В семье пятеро детей. Младшему шесть лет. Он сидит тут же, в юрте, с напряженным любопытством следя за происходящим. Рядом, затаив дыхание, стараясь казаться незаметными, примостились несколько его дружков. Обилие ребятишек бросается в глаза. Это неотъемлемая черта жизни аратов.

— А хотели бы вы переселиться из юрты в каменный дом? — задали мы, казалось бы, наивный вопрос. В действительности же для арата эта проблема не так проста. Ведь велика вековая сила привычки, впитанная с молоком матери. Юрта кочевала из столетия в столетие. Уже при народной власти известно немало случаев, когда с наступлением весны часть городских жителей уезжала в степь. Бывало, и вообще не могли привыкнуть к каменным стенам, бросали все и возвращались в юрту.

Однако у наших собеседников мнение на этот счет твердое:

— Переехали бы, хотя, конечно, не без грусти. Как-никак, в нашей юрте мы прожили больше 20 лет.

В новой Монголии идет последнее перекочевывание аратов: из юрт в благоустроенные квартиры. Проблема оседлости решается в ходе переустройства хозяйственной жизни; она связана с целым рядом факторов: с созданием в стране устойчивой кормовой базы для скота, с развитием земледелия, с жилищным строительством... Конечно, для ее окончательного решения потребуется время, но оно работает на республику.

...Когда мы вышли из юрты, лунный свет залил серебром всю степь и шапки холмов. Позади машины долго еще мерцали огни фермы. Но вот скрылись и они. Нас поглотила степь, преображенная людьми.

ТУРЕЦКИЕ ЗАРИСОВКИ

Фоторепортаж А. ГЕОДАКОВА

Измир. Чистильщик обуви.

Афьон-Карахисар. Первая экскурсия.

Стамбул. Товар лицом.

Измир. Патруль.